Е.В. Добренькова,
кандидат экономических наук, доцент

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ И ДИСКУРС

В отечественной литературе с XIX в. категория «образование» обозначает совокупность учреждений и средств распространения знания и грамотности в народе (Ф.И. Янкевич). После 1917 г. в обществознании понятие «образование» обрело смысл социального института (А.В. Луначарский, Н.К. Крупская), а «воспитание» трактовалась широко, охватывая совокупность средств воздействия на социализацию и сближаясь с категорией «образование». В 1960-е гг. образование понималось как процесс передачи и усвоения знаний и навыков, который протекает в специальном учреждении и завершается получением диплома установленного образца[1].

Образование охватывает широкий круг явлений и представляет собой важнейший институт общества, зародившийся в глубокой древности. Для социолога важен именно этот институциональный аспект образования. Социальным институтом образование делает узаконенная обществом система передачи знаний от одного поколения к другому на основе письменных носителей информации, т.е. учебников и учебных пособий, получивших экспертную оценку, иначе говоря, признанных специалистами в качестве адекватных требованиям науки источников знания о мире[2].

В отличие от этого образовательный дискурс не является узаконенной системой передачи знаний от одного поколения к другому на основе учебников или учебных пособий, получивших экспертную оценку, поскольку цель дискурса – обозначить не устоявшееся, а проблемное поле научных и учебных знаний. Спорящие стороны опровергают аргументацию друг друга, доказывая, что никаких узаконенных обществом позиций в этом случае не существует. Когда одна группа интеллектуальной элиты отстаивает традиционные национальные ценности и систему образования, сформировавшуюся за годы советской власти, а другая группа интеллектуалов, называющая себя либералами, выступает за всестороннюю интеграцию

[1] См.: Педагогическая энциклопедия. М., 1968. Т. 3. С. 141– 144.
[2] *Sirjamaki J.* Education as a social institution // On Education-Sociological Perspectives. N.Y., 1967.

российского образования в европейскую систему, а затем растворение первого во втором, то они еще только борются за узаконение своей позиции, признание ее государством в качестве единственно возможной перспективы развития отечественного рынка образовательных услуг.

У дискурса как нормативного института нет: а) средств информации и коммуникации: типографий, издательств, театров, радио, телевидения, почты и т. п.; б) информационной техники: пишущих машин, компьютеров, сигнальных и контрольных систем, музыкальных инструментов. Дискурс, в отличие от образования, не является отраслью современной индустрии, государство не выделяет на него деньги особой статьей госбюджета. Дискурс представляет собой совокупность исторически сложившихся неформальных норм (обычаев или стереотипов), традиций, обычаев, языковых и культурных практик, концентрирующихся вокруг какой-либо главной цели, ценности или потребности. Дискурс западников и славянофилов за более чем 200 лет ни разу не принимал формы учреждения, оставаясь культурной практикой, выражающей потребности, интересы и ценности больших социальных групп или значительных частей общества, консолидирующихся вокруг предлагаемых ими целей.

Социальный институт образования – гигантская система, охватывающая совокупность статусов и ролей, социальных норм и статусов, организаций (учреждений, предприятий, университетов, академий, институтов и т.д.), которые опираются на персонал, аппарат управления и особые процедуры[1]. В соответствии с Законом РФ об образовании оно понимается как целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов).

Как социальный институт образование включает: органы управления и подведомственные им учреждения (школы, колледжи, гимназии, лицеи, университеты, академии и т. д.), включая институты повышения квалификации и подготовки преподавателей; творческие союзы, профессиональные ассоциации, общества, научные и методические советы, иные объединения; учреждения инфраструктуры науки и образования: проектные, производственные, клинические, медико-профилактические, фармацевтические, культурно-просветительские предприятия, типографии и т. д.; образовательные программы и государственные стандарты разного уровня и направлен-

[1] *Sirjamaki J.* Education as a social institution // On Education-Sociological Perspectives. N.Y., 1967.

ности; учебники и пособия для учащихся и преподавателей; периодические издания, включая журналы и ежегодники, отражающие последние достижения научной мысли.

Совокупность норм, регламентирующих и организующих взаимодействие людей по поводу обучения, свидетельствует о том, что образование является социальным институтом. Наука также «может рассматриваться как общественный макроинститут (наряду с государством, правом, семьей, экономикой, здравоохранением и т. д.), состоящий из двух основных функционально взаимосвязанных подгрупп, структура которых обусловлена определенными статусно-ролевыми позициями – собственно научным сообществом и научной бюрократией»[1].

От уровня образования прямо зависит качество трудовых ресурсов, а следовательно, состояние экономики в целом. Модернизируя систему образования, Япония добилась качественного прорыва в экономике.

Основными чертами учебных заведений, в том числе общеобразовательных школ, средних специальных и высших учебных заведений, служат, во-первых, обучение по единым программам; во-вторых, последовательная преемственность в обучении; в-третьих, выдача выпускникам документа государственного образца об окончании образовательного учреждения[2].

Образовательный дискурс нельзя рассматривать наподобие сложной организации или совокупности с разветвленным управленческим аппаратом. Здесь нет министерств, департаментов образования, хотя отдельные представители – от своего имени либо от имени учреждения, персонализируя тем самым статусные полномочия, – могут участвовать в дискуссиях по вопросам образования, защищая ту или иную позицию.

Не является характерологической чертой образовательного дискурса обучение по единым программам или выдача участникам дискурса документа государственного образца, свидетельствующего об их временном статусе в качестве агентов познавательного диалога или информационного процесса обмена знаниями. Дискурс как живое творчество представляет нечто прямо противоположное застывшей гармонии социального института как учреждения или жестко регулируемой системе управленческих рутин. В дискурсе идет не просто обмен мнениями, но происходит противоборство различных

---

[1] *Титов В.Н.* Институциональный и идеологический аспекты функционирования науки // Социологические исследования.1999. № 8. С. 63.

[2] *Wells G.* Dialogic Inquire: Towards a Sociocultural Practice and Theory of Education. Cambridge, 1999.

систем ценностей, отстаивание идеологических позиций, жизненно важных для социальной группы интересов.

Говорить о дискурсе в институциональном контексте можно, на наш взгляд, лишь затрагивая процедурную сторону – совокупность правил игры, ритуалы, обычаи и церемонии, при помощи которых протекает общественный дискурс. К примеру, уважение к человеческому достоинству и статусной правомочности собеседника – одно из негласных процедурных правил поведения дискурсантов. Образовательный дискурс умирает в образовательном институте: как только в диалоге сторон побеждает одна из точек зрения, она превращается в государственную стратегию, проводится через совокупность нормативных положений, приказов и методических пособий, под ее осуществление выделяются деньги, штаты, помещения и т. д. Иными словами, совокупность идей и точка зрения, представлявшие собой часть вербального контекста культурного дискурса, объективируются в учрежденческий институт. Победа одной из позиций означает поражение другой и прекращение дискурса как культурной практики и соревновательного процесса. Победитель получает материальное вознаграждение и статусное признание в качестве официального победителя.

Однако после победы одной из сторон дискурс прекращается не полностью, а переходит в свою латентную фазу, незримую для публики. Противник затихает, но копит силы. Дискурс тем и отличается от обычного диалога, что в него вовлекаются не голые знания и аргументированные позиции, а жизненно важные интересы больших социальных групп. Если побеждает одна точка зрения, то это означает, что удовлетворены жизненные интересы лишь одной части общества. Другая часть общества, не получив легитимного признания, уходит «в подполье» и часто прибегает к «партизанским» методам. Она подкарауливает врага в «темном месте», ждет, когда тот ошибется и наносит удар; она накапливает компромат, подмечая все просчеты и недостатки, допущенные при реализации победившей точки зрения. Поскольку воплощение замысла всегда стоит далеко от самого замысла и поскольку в его реализации заняты тысячи людей, обладающие разными умениями, квалификацией, опытом и мотивацией, то все или большинство образовательных реформ воплощаются в жизнь частично, искаженно или даже совсем не так, как мыслили ее инициаторы.

Россия унаследовала от СССР хорошо развитую систему образования, которая целиком финансировалась государством. Это и оказалось его ахиллесовой пятой. Экономический кризис 1990-х гг. привел к существенному сокращению бюджетных возможностей как федерального и регионального уровня. В 1995 г. государство трати-

ло на образование лишь 4,3% ВВП. Доля внебюджетных средств в финансовом обеспечении вузов, взятая в среднем в едином фонде финансовых средств, колеблется от 7 до 55%[1]. В результате возникла необходимость изменения схемы финансирования образования, расширения его источников, оптимизации структуры расходов на образование и, пожалуй, в первую очередь оптимизации затрат. Наряду с государственными вузами появились коммерческие.

Произошедшие в обществе реформы затронули все элементы образования – содержание, методы и формы обучения, приемы оценки результатов, управленческие структуры, финансирование и т. д. Несмотря на сокращение бюджетного финансирования, с 1992 г. выросло число вузов, количество студентов в них, сократившееся в начале 1990-х гг., в конце десятилетия практически достигло уровня середины 1980-х гг[2]. Высшее образование России преодолело спад 1992 – 1995 гг. По числу студентов (207 человек на 10 тыс. населения) и выпускников (30 человек на 10 тыс. населения) она и сейчас находится в группе развитых стран[3].

Таким образом, либеральные реформы начала 1990-х гг. воплотились совсем не так, как мыслили их авторы, стремившиеся придать консервативной советской системе больше гибкости и сходства с западной системой образования. Институт образования в стране постиг глубокий кризис, который удалось частично преодолеть, лишь вернувшись к старым методам, ценностям и практикам образования, характерным в дореформенный период. Противники либералов ждали своего часа, чтобы напомнить обществу, что не все советское – плохое, что созданная за годы советской власти система образования одна из лучших в мире, и т. д. В конечном итоге в начале 2000-х гг. правительство взяло курс на восстановление, пусть и частичное, некоторых принципов советской системы образования.

Казалось бы, теперь победили противники либералов. Однако либералы, на время затаившиеся, ждали, как некогда их противники, своего часа. В 2005 г. правительство под давлением своего либерального крыла присоединилось к Болонскому протоколу, взяв курс на радикальное переустройство отечественной системы образования по европейским стандартам.

Итак, мы видим, что на коротком историческом отрезке в 15 лет образовательный дискурс в российском обществе постоянно менял свой вектор и своих победителей. Чаша весов колебалась, побеж-

[1] См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в России за 1998 год. М., 1998.

[2] См.: Российский статистический ежегодник. М., 1998.

[3] См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в России за 1998 год. М., 1998.

дали то одни, то другие силы, и за каждой стороной стояла своя социальная группа. Либералов больше поддерживала та часть российской молодежи, которая ориентирована на получение западного образования, переезд на Запад, временно трудоустроиться там, свободно выезжать за границу и обмениваться со сверстниками информацией. Их противников поддерживала более зрелая возрастная социальная группа, костяк которой составили, во-первых, преподаватели российских вузов среднего и старшего возраста, прошедшие социализацию в советский период, во-вторых, представители всех социально-классовых и возрастных групп, придерживающиеся патриотических убеждений.